

Петр Брандт

ЭМИГРАНТЫ

/цикл стихотворений/

Вступление

Сторожем вод государственной зоны
Вышел в морские ворота
Крейсер "Британия" — верный короне
Флагман военного флота.

С новым приказом к немедленным сборам
Всем стратегическим силам
В соединении с воздушным дозором
Над атлантическим тылом.

Встав впереди боевой вереницы,
Медленно и горделиво
Он обошел до ирландской границы
Всё побережье пролива,

И несмотря на морское волнение
Предштормовой непогоды
Шесть кораблей, поменяв направление,
Вышли в нейтральные воды.

Два миноносца замкнули армаду
Справа по борту и слева,
Боже, веди бревую бригаду,
Боже, храни ~~морскую~~ королеву!

I часть

УЛИЦЫ ИЗВЕСТНОГО ГОРОДА

Сонный тритон полуночным кумиром
Влез на гранитные глыбы,
Твой Зодиак загорелся над миром
Ярким созвездием "Рыбы".

Он, засверкав, в небесах отразился
В сточных технических водах,
Но, потеряв ориентир, заблудился
В тёмных сырых переходах.

Бурные тучи дождя и тумана
И предпортового дыма
Двинулись к берегу от океана
С теплым потоком Гольфстрима.

И переполнили сень вертоградов
Жёлто-зеленых кварталов
Города грозных гвардейских парадов
И коммунальных скандалов.

+ + +

Уличным, сонным, едва постижимым
Зреньем, умом или слухом,
Соединенные вместе единым
Праздным и немощным духом,

Вновь повинуюсь единому кругу
Уличных дел и концессий,
Медленно вышли навстречу друг другу
Люди случайных профессий.

Шумный притон с "площадным балаганом"
И неисчислимым сбором
Мог бы сравниться с безумным цыганом
Или хмельным командором,

Что, растеряв подгулявшую свиту
Между вином и разгулом,
Был ~~обнаружен~~ обнаружен и взят под защиту
Храбрым ночным караулом.

Злой обитатель безводной пустыни,
Пастбищ, садов, огородов —
Суетный дух, пробудившийся ныне
В шумном стеченье народов,

Тот, что когда-то вотще состязался
С волей царя-демиурга
Всё же вошёл и навек задержался
В темных углах Петербурга.

Он и теперь завладел развращенным
Пагубным уличным пьянством
Странным народом, едва ли смущенным
Стольким его постоянством,

Здесь, где в глухую пору листопада
"Бдят в ожиданьи мессии"
Не до конца охмелевшие чада
"Преображенной России".

В лица рожденных под солнцем и житом
И богатырские спины,
Здесь оказавшийся срочным транзитом
Буйных сынов Украины,

Впился с холодной тоской одинокой
Взгляд смельчака или труса,
Не разберешь за густой поволокой
Сумрачных глаз белоруса.

Под голубым наркотическим дымом
Злая болезнь гонorea
Не обошла супостатом незримым
Чресла седого еврея

С юным прибалтом — вчерашним подростком
И развеселым грузином,
Жившим за старым табачным киоском
И овощным магазином.

Жмутся цыгане толпой суеверной,
Здесь же, под небом чужбины,
В скорбной тоске армянин правeverный
Правит свои именины.

Или монгол — плутоватый и блудный —
Жертва балтийской простуды,
Тщится расслышать в толпе многолюдной
Злые её пересуды.

+ + +

Сумрачный град мятежей и гордыни
Встал из пучины растленья
Некогда грозной гранитной твердыней
К людям того поколенья,

Словно подъятый трудом богомольным
Строгой обители братской
Тайный подвижник с крестом добровольным
Проклятой доли кабацкой.

В долгих путях векового движенья
Тёмных созвездий и дальних
Может быть кто-то прочтет отраженье
Уличных судеб скандальных.

И в привокзальной ночи безобразной
Поводом к злу и веселью
Стал хоровод, именуемый праздной
Невской ночной каруселью.

II ЧАСТЬ

НАДЯ

В ловких движеньях молодой темнокожей
Простоволосой мещанки
Вряд ли узнал бы вчерашний прохожий
Гордую стать англичанки,

Вряд ли подобье былого преданья
Старой британской курильни
Он услышал бы за грубою бранью
Вечно пустой говорильни,

И в поведении хозяйки надменной
Здесь утвержденного права
Вряд ли заметил бы след сокровенный
Англо-саксонского нрава.

Призванный мчаться к веселой отчизне
С маленьким уличным раем
По перепутьям бессмысленной жизни
Сытый чужим караваем,

Первым рублем распечатанной сотни
К двум собутыльницам грязным,
Чтоб расцвести у ночной подворотни
Жёлтым цветком безобразным,

Ищущий в лицах чужие невзгоды
Встретил бы след противленья
Силы ее благородной природы
Тёмному яду растленья,

Столь очевидный и столь необычный
В сонме падений и взлетов,
Словно причуда судьбы горемычной
В сложных ее поворотах.

Может, затем лишь ее появление,
Чтобы в бесплодные годы
Вызвать из темной пучины истленья
Скрытую жажду свободы,

И угадав в родословной кутилы
Кровь флорентийца-повстанца,
Вдруг разбудить непонятные силы
В спящей душе итальянца.

Всё сведено для нее воедино
В этой глуши петроградской —
Злое веселье в глазах осетина —
След анаши азиатской,

"Дурь", что сюда завезли мусульмане,
Или с избытком спиртного
Ей померещился в синем тумане
Взгляд гордеца площадного.

III часть

ЭМИГРАНТЫ

Горькая суть рокового момента —
Твердое слово сержанта,
Определившая смысл документа
В робкой душе эмигранта,

Вдруг показалась, смешавшись над Веной
С тёмным и суетным взором
Может быть просто пустой переменной
Или пустым разговором.

Это ль расплата судьбе многогрешной,
И на чужбине скитальца
Может быть встретит стезей безутешной
Злая юдоль постояльца,

Или, напротив, душой непрестанно
Жаждающей крова и пищи,
Он обретет наконец долгожданный
Мир в разоренном жилище.

+ + +

Ты же, дитя переулка ночного,
Чуждая власти кумира,
Мчишься куда-нибудь снова и снова
Всеми дорогами мира,

Став для себя же самой в наказание
Неотвратимым орудьем,
Чтобы исполнить последним страданьем
Меру Его правосудья.

Он засверкал под чужим Зодиаком
Как дорогая кокарда,
Та, что венчала таинственным знаком
Флот короля Эдуарда,

Дальней звездой отомщенного гнева,
И океан запел, заревел,
*Fare thee well! and if for ever
Still for ever, fare thee well* x)

Заключение.

Сторожем вод государственной зоны
Вышел в морские ворота
Крейсер "Британия", верный короне
Флагман военного флота,

И развернулся с маневра крутого
К береговому конвою
Весь арсенал корабля боевого
Грозной стальной синевою.

Снова восстав во втором Вавилоне
Всеевропейской могилы,
Север Европы в глубоком циклоне
Спрятал последние силы,

И в одинокой душе иноверца
Крепнет святая отвага,
Вдруг разбудив иноземное сердце
Честью английского флага.

x) Прощай и если навсегда,
То навсегда прощай.
/Байрон/.

Город Манчестер с извечной судьбою
Мануфактурного царства,
Денно и ночью являвший собою
Твердый оплот государства,

Глазго — связавший во мгле караваны
Флота с коммерческим грузом,
Соединившего дальние страны
Крепким торговым союзом,

"Виккерс", раскрывший огромные крылья
Индустриального гама
Над зараженной промышленной пылью
Сизой зарей Бирмингама,

Ставший узлом корабельных заводов,
Неколебимою волей
Грозно шатнув в атлантических водах
Власть мировых монополий,

Словом ли правды в устах человека,
Лестью, коварством, обманом
Скройте, дитя, от лукавого века
Темным британским туманом.

Пусть для защиты грядущего года
Сменит испытанный Невский
"Джек" государственной воли народа
Или штандарт королевский.

+ + +

Боже, взыщи разоренное стадо,
Пастырь нагих и щедушных,
Ныне и присно в углах Петрограда
Ищущий чад непослушных,

Жизнь подменивших пустой ворожбой
Будто по злomu навету
Или рассеянных темной судьбой
Всюду по белому свету...

С первым лучом Эдинбургского солнца
Вслед за ночной непогодой
Благослави же и англо-саксонцев
Миром, трудом и свободой,

Или пошли от священного клира
Силы державному гневу
Боже, храни митрополию мира,
Боже, храни королеву.

.....

ИТАЛЬЯНЕЦ

Не отрываясь внимательным взором
От ювелирного глянца,
Мастер украсил чеканным узором
Яркий портрет итальянца,

На медальоне чужого народа,
Вычертив на обороте,
Памятный вензель далекого рода
Римской фамилии Ротти.

Где-то, когда-то, в былых поколениях
Тёмной России дремучей
Остановился в славянских селеньях
Пращур его невезучий,

Но заработав пунцовый румянец
В злую сырую погоду,
В горьком унынии погиб чужестранец,
Дав основание роду.

Некогда в схватке тупой и упорной
В тучах военного дыма
Скрылся навек горнизон непокорный
Непобедимого Рима,

Днесь завершивший одним человеком
Путь родословного древа
В единоборстве с чудовищным веком,
Хмурым от горя и гнева.

+ + +

Может быть он за пустыми речами
Видел далекие страны
И согревался прямыми лучами
Жаркого солнца Тосканы,

Здесь, под перстом знаменитой десницы,
Некогда грозно воздетым
Гордым монархом вчерашней столицы
К темным ее силуэтам.

Или в часы одиноких прогулок
До городского фонтана
Он перепутал свечной переулок
С улицей Глюк Челентано,

И полетела в тоске безответной
Вслед за бессмыслицей дружной
Песня о чьей-то судьбе незаметной
Вряд ли кому-нибудь нужной.

Иль в итальянской душе, угнетенной
Тёмным нордическим вздором,
Символом истины вновь обретенной
Строгим Никейским собором,

Вспыхнул восставший из центра портала
Крест Иоанна Пророка
Сквозь разгадавшую душу металла
Старую школу барокко.

+ + +

В гордой груди чужака- чужестранца
С жаром нездешней природы
Тайно взлелеяло сердце тосканца
Искру священной свободы,

Чтоб загоревшись средь уличной смуты
Яркой звездой путеводной,
Не позабыть до последней минуты
Клятвы своей благородной,

Разум, что зиждет и море и сушу
Вечным своим попеченьем
Вдруг обязал окрыленную душу
Новым ее назначеньем:

(Распорядившись душой человека
Средь неумного роста
Неразберихи двадцатого века)
Жить справедливо и просто.

Там, где творили кумира-урода
Воры, лжецы, лицемеры
Вдруг возжелала душа "сумасброда"
Твердой и истинной веры,

Уподобляясь великому роду
Древних пророков-евреев,
Все ж сохранивших святому народу
Вещий закон Моисеев.

+ + +

В гордом твореньи латинского слова
С тайным усердьем альпийца
Он изучил деловито и строго
Сильный язык флорентийца.

И флорентиец средь дыма и смрада
Встал тяжело и незримо
Словно воскресший во мгле Петрограда
Гнев горделивого Рима.

Всадник и конь под железной щетиной,
Крепче меча или злата
Соединенные волей единой
Вызволить младшего брата,

Двинулись в путь под звездой полуночной,
Встав под чугунные крылья
Грозной Виктории в час неурочный
Страх, стыда и насилья.

Дым от копыт и от крупа кривого,
Бьется под пылью и влагой
Сердце в груди жеребца боевого
Неукротимой отвагой,

Будто бы око его повстречало
Взгляд неприятеля злого,
Будто бы ухо его услыхало
Шлесть ездока удалого.

То ли он тшится борьбой бесполезной
И в непогоду и стужу
Скованный крепкой уздой железной
Стонет и рвется наружу

Или летит молодой и свободный
Сквозь мятежи и невзгоды
В стан, где потомок семьи благородной
Ищет у моря погоды.

+ + +

Так в середине двадцатого века
В шумной людской круговерти
Тянутся нити судьбы человека
В лоно забвенья и смерти,

Вновь предлагая утратившим веру
Образ греха и страданья
Дабы исполнить последнюю меру
Грозных своих предсказаний.

Но над душой, что горит одиноко
Подле бесплодья и тленья
Бдит непрестанно ревнивое око
Скрытого смысла творенья.

И от иллюзий больного сознания,
Мысленных бурь и наветов
Сирую душу спасет пониманье
Истинной сути предметов.

Соединившись с толпою живущих
В темных страстях и стремленьях
Эта душа не потонет в грядущих
Шумной толпой поколеньях,

Но сохранившись живой и нетленной
Средь пустословья и быта
Эта душа на дорогах вселенной
Богом не будет забыта.

+ + +

В час, когда звезды декабрьской ночи
Встали вдоль зимней дороги
Он рассмотрел удивленные очи,
Полные слез и тревоги.

Легкий упрек ледяным коромыслом
Лег на уставшие плечи,
Так и оставшись единственным смыслом
Этой нечаянной встречи.

Или, влюбившись, блаженный счастливец
В жизни простой горожанки
Он не признал, молодой горделивец,
Злую судьбу содержанки,

И обреченность нежданной встречи
Нотой далекой, но внятной
Долго звенела в латинском наречьи
Песни его непонятной,

А на рассвете сердечные муки
Светлым лучом увенчали
Слёзы досады, слёзы разлуки,
Слёзы любви и печали,

И итальянец взглянул на досуге
Вторя ночному припеву
В синие очи вокзальной подруги
"Боже, храни королеву..."

+ + +

Ход бесконечной причуды фатальной
Вверил людскую кручину
Шедшему долгой стезёй коммунальной
Опер-квартальному чину,

И угадав за бумагой привычной
Две неудачные жизни,
Вдруг удивился лакей безразличный
Нынешней их дешёвизне.

Опытный спец по статьям и доносам
С ровным дыханьем громилы,
Он содрогнулся, смутившись вопросом
Нечеловеческой силы,

И отзывался в коротком ответе
Всей совокупностью прений
Голос давно позабытых столетий,
Живших вотще поколений.

.....